

Иностилевые элементы в структуре авторской речи произведений Н. Лескова (рассказ «Загадочное происшествие в сумасшедшем доме»)

Сепик Г.В.,
доцент, Школа педагогики
ФАОУ ВПО «Дальневосточный
федеральный университет»

Рассказ Н. Лескова «Загадочное происшествие в сумасшедшем доме» впервые вышел в свет на страницах журнала «Новь», в 1884 году, и был помечен в заголовке как «рассказ кстати». Такая жанровая характеристика традиционна для многих рассказов Лескова и предполагает «иллюстративный» по отношению к обсуждаемой в современном обществе проблеме характер приведенного в рассказе случая. Злободневность «загадочного происшествия» писатель связывает с реформой судопроизводства, принятой 20 ноября 1864 года (хотя рассказ опубликован 20 лет спустя)¹. У рассказа есть и другая особенность, заключающаяся в характере его речевой структуры: автор, не настаивая на самостоятельности проводимого в рассказе исследования, ссылаясь на реальное официальное лицо – Евгения Венцеславовича Пеликана², в личном архиве которого и найдены отчеты и акты по поводу злополучного «дела». Благодаря этому композиция рассказа отличается, если можно так выразиться, стилистической дискретностью: в структуру авторской речи вживляются цельнооформленные фрагменты текстов совершенно иной стилистической тональности.

Вступительная часть рассказа определяет мотив обращения к теме художественного исследования: «Печать лучше, чем что-либо иное может послужить сверке и оценке всяких мнений – как ошибочных, так и обстоятельных. Одним из лучших способов для этого служат сравнения, которых много можно привести из так называемых «памятей» о делах «доброе старое времени». Разумею не то настоящее «старое время», каким почитается в нашей истории до-Петровский период, а собственно время, предшествовавшее введению судебной реформы, которое нынче часто тоже называют «старым»³. Рассуждения «автора» о «добром старом времени» наводят читателя на мысль, что так называемое «новое» судопроизводство ничего не дало русскому обществу, никаких гарантий справедливого правосудия. Можно ли путем судебных реформ добиться этого?

«Автор», представленный писателем как человек, близкий ему по некоторым биографическим чертам, увлекается загадочностью уникального случая из судебной практики и, как человек, интересующийся «научными загадками», предпринимает самостоятельное, не профессиональное расследование, опираясь именно на методы «научного познания». Так создается мотивировка введения в структуру текста рассказа элементов официально-делового и научного стилей. Природная наблюдательность и внимание «автора» к провинциальной орловской жизни, сразу выводят его на весьма примечательное и важное для идейного содержания рассказа сравнение – с похожим случаем из воспоминаний детства:

«В ранней моей молодости я помню, как в Орле, кажется, около четырнадцати лет, производилось дело о вырубке казенного леса в Карачевском или в Трубачевском уезде. В этом преступлении и грабеже казны на огромную, по-тогдашнему, сумму подозревался и изобличался местный лесничий по фамилии Красовский, - человек уже очень старый, набожный и постник, джентльмен, с совершенно белой головой, всегда тщательно выбритый и причесанный.

Я помню, когда его водили из острога с двумя часовыми мимо так называемого губернаторского сада, где я играл во дни моего детства.